

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ КОМПОНЕНТ РУССКОЙ РЕЧИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ И АФОРИСТИКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Елена Ивановна Янович (Минск)

Прецедентный компонент речи – это общеизвестные устойчивые и узуальные выражения, которые являются средством вербальной передачи результатов познавательной деятельности и практического опыта человека как члена определенной социальной и этнической общности. Существенно важно то, что в познавательном и эмоциональном отношениях они значимы не только для той или иной языковой личности, но имеют сверхличностный характер, т.е. хорошо известны широкому кругу носителей языка, их предшественникам и современникам [2, с. 216].

Прецедентный компонент речи наряду с прецедентными текстами и прецедентными именами может быть представлен прецедентными высказываниями, в состав которых входят фразеологизмы, в том числе, народные пословицы и поговорки, крылатые выражения, широко известные цитаты, имеющие авторство (достоверное или не всегда достоверное). Данная работа посвящена изучению функционирования прецедентных высказываний в современной русской речи (на материале русскоязычных газет Беларуси).

Обращение к языку газеты как к источнику изучения живых языковых процессов оправдано тем, что, по свидетельству лингвистов, “газетный язык, обращенный к массовому читателю... , чужд консервативности, очень проникаем” [9, с. 43]. Современные газетные тексты широко включают разговорную речь, преследуя цели преодоления традиций новояза с их жесткими требованиями стандартности и минимальной вариативности, выполняя задачи наименования и освоения новых явлений и форм поведения, которых эти явления требуют [4, с. 49-51].

В решении таких коммуникативных задач особое место принадлежит прецедентным высказываниям (далее – ПВ), которые широко представлены в живой речи, будучи средством экспрессивности текста, и в то же время проявляют достаточно заметные и характерные особенности употребления в языке современной газетной публицистики.

Функциональная значимость ПВ в газетных текстах обусловлена интертекстуальностью газетного дискурса, которая обеспечивает его бытование

во времени [8, с. 410-411], что соответствует необходимости отвечать задачам массовой коммуникации, возникающим в результате появления новых общественнозначимых явлений, событий, ситуаций. Проявление интертекстуальности, т.е. межтекстового взаимодействия, состоит в том, что при порождении собственных речевых произведений пишущий /говорящий часто обращается к чужому слову в виде поговорок, цитат, которые представляют опыт прошлого, фоновые знания и, выполняя номинативную функцию, замещают в сознании носителей языка подробное описание ситуации, сведения ее к одному образу – стереотипу, этническому или социальному. Сопоставление новой информации с ПВ как номинацией опыта и стереотипов прошлого, что имеет место в случае прямого цитирования, позволяет использовать ПВ как критерий оценки и сравнения, как аргумент в полемике, как средство воздействия на адресата газетных текстов [6, с. 160]. В то же время привлечение внимания к стереотипам, фоновым знаниям, извлечение их из памяти происходит не только как прямой повтор ПВ, но и в результате их контекстуального преобразования [7, с. 23-32].

Как свидетельствуют изученные материалы русскоязычных газет Беларуси, прецедентные высказывания на страницах газет отличаются широкой активизацией, но не в форме прямого повтора или воспроизведения, а в результате контекстуального преобразования, различного рода варьирования и трансформирования. В основе этого явления лежит потребность в сравнении «данного» (традиционного опыта, стереотипов) и того «нового» в восприятии и осмыслении повседневной современности, того общественно-практического опыта, который формируется и получает актуальность и значимость в связи с изменением условий жизни и деятельности социума (что и произошло в конце XX века на постсоветском пространстве). Такой способ использования прецедентных высказываний воспроизводит условия своеобразного диалога, имеющего целью «исправление, коррекцию того или иного фрагмента информации, которой располагает социальное коммуникативное множество». [1, с. 53].

Для оценки результатов контекстуальных преобразований ПВ в газетном дискурсе, имеющих задачи воздействия на адресата путем выражения оценки нового события или явления, степени соответствия /несоответствия опыту прошлого, особую важность приобретают наблюдения над тем, как и в каких случаях изменяется (или не изменяется) референтная характеристика ПВ. Задача нашего исследования состоит в изучении проявления идентифицирующей референции как одного из проявлений намерений говорящего/пишущего или подтвердить на основе новой информации опыт и стереотипы прошлого, или в новых условиях общественной коммуникации их корректировать, подвергнув их сомнению и отразив то новое, что сформировалось или формируется в общественной и личной практике носи-

теля языка. В последнем случае контекстуальные преобразования ПВ свидетельствуют о сдвигах и изменениях в механизме референции, которые затрагивают характер денотативной или коннотативной соотносительности между предметом референции и ее языковым выражением, традиционным и вновь сконструированным. Изменения такого типа могут быть настолько заметными, что подвергшаяся преобразованию языковая конструкция может претендовать на выражение нового «пословичного» стереотипа.

В соответствии с наблюдениями над изменениями референтной соотносительности ПВ в современной речи мы выделяем 3 типа контекстуальных преобразований ПВ: 1) **вариация** – изменение лексического состава устойчивых языковых единиц при сохранении их референтной соотносительности; 2) **трансформация** – изменение лексического и лексико-синтаксического состава устойчивых языковых единиц с изменением их референции и коннотации; 3) **модификация** – семантическое и лексико-синтаксическое сближение двух ПВ, имеющих один и тот же или разные предметы референции.

1. Контекстуальные преобразования ПВ, которые не сопровождаются изменением предмета референции (вариация), реализуются за счет лексической замены отдельных компонентов ПВ. Очень часто это происходит путем введения в состав ПВ иноязычий в связи с высокой степенью актуализации обозначаемого ими понятия: *Кто к нам с кредитом придет, от него и погибнет; Кто к нам со спамом придет, тот от него и погибнет* (ср. цитату из кинофильма Эйзенштейна «Александр Невский»: *Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет*). Показательно, что появление первого варианта преобразованного ПВ более чем на 5 лет опередило появление второго варианта – в зависимости от времени появления в русском языке иноязычных лексем *кредит*, *спам* и степени актуальности выражаемых ими понятий. Но в обеих языковых конструкциях реализуется один и тот же внеязыковой стереотип 'кто к нам придет с чем-то для нас опасным, по этой же причине и погибнет'.

В состав ПВ могут входить иноязычия различной степени освоенности современным русским языком, ср., например, с одной стороны: *А спам и ныне там* (ср. *А воз и ныне там* – из басни И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука»); *С клипом по жизни* (ср. *И тот, кто с песней по жизни шагает, Тот никогда и нигде не пропадет* – из широко известной в советское время эстрадной песни на слова Лебедева-Кумача); *Не пойман с поличным – не трафикер* (ср. народная поговорка *Не пойман – не вор*) и, с другой стороны: *Штанга – дура, кег – молодец* (ср. ставшее крылатым выражение А. В. Суворова *Пуля – дура, штык – молодец*). В последнем случае в состав ПВ проникает окказиональное заимствование *кег*, употребление которого в русском языке стало возможно в связи с получившей известность ситуацией

использования для спортивного соревнования в поднятии тяжестей бочонка определенной массы, наполненного жидкостью.

Такого же типа преобразования ПВ происходят и при введении в его состав стилистически нейтральных слов русского языка, в последние годы получивших высокую степень актуализации, например: *Ворон ворону газ на выключит* (ср. народную поговорку *Ворон ворону глаз не выключет*), а также лексических новообразований на основе русской лексики: *У «птичьего гриппа» глаза велики* (ср. народную поговорку *У страха глаза велики*); *На каждый ОРТок* [ОРТ – аббревиатура названия телевизионного канала Общероссийское телевидение – Е. Я.] *не накинешь платок* (ср. народную поговорку *На каждый роток не накинешь платок*). Все эти преобразования ПВ имеют «эффект осовременивания» языкового выражения этнического или социального стереотипа за счет введения лексических новаций различного происхождения, не изменяющих смысла традиционного образа.

Контекстуальное преобразование ПВ путем лексических замен дает возможность не только указать на «осовременивание» традиционного стереотипа, но и «корректировать» его национально-культурную принадлежность. Так в газетной публикации, посвященной теме референдума о принятии евроконституции во Франции, упоминается о том, что *бесплатный камамбер бывает только в мышеловке* (ср. английскую поговорку, возможно, литературного происхождения *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но и то для другой мыши*). Сама же публикация, утверждающая негативные последствия расширения членства в Евросоюзе для Франции, имеет название *«Время сушить круассаны»*, в котором наряду с сохранением референции библейского выражения *Время разбрасывать камни и время собирать камни* как обозначения своевременности действия, представлена соотносительность с референтом русской поговорки *сушить сухари* 'готовиться к худшим временам'. В обоих случаях национально-культурная «окраска» прецедентного высказывания определяется за счет введения франкоязычных заимствований *камамбер, круассан*. Другой пример национально-культурного варьирования ПВ в русской речи – порождение в газетном тексте, посвященном событиям в Латинской Америке, нового пословичного варианта *кондор в небе хуже, чем колибри в руках* (ср. народную поговорку *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*).

Варьирование ПВ имеет не столько номинативную или экспрессивно-оценочную, сколько образно-выразительную функцию. Выступая в условиях «языковой игры», варианты ПВ не участвуют в процессе формирования новых пословичных смыслов, а лишь способствуют подтверждению традиционных этнических и социальных стереотипов, выражение которых обновляется в связи с обновлением лексических ресурсов русского языка и расширением образно-выразительных средств русской речи.

2. Преобразования ПВ другого типа (трансформация) обнаруживают определенные сдвиги в соотношении смыслов устойчивых и вновь сконструированных языковых конструкций. Изменение референции наблюдается в результате лексических замен при сохранении синтаксической схемы высказывания. В этих случаях происходит «осовременивание» плана содержания традиционного этнического или социального образа в сознании носителей языка. Так, оказывается нетождественным смысл традиционных пословиц *Сердцу не прикажешь, С глаз долой – из сердца вон* и результатов их преобразования следующим образом: *Сексу не прикажешь; С глаз долой – из секса вон*. Очевидно, что причина появления нового смысла пословичной ситуации связана с неравноценностью слов *сердце* и *секс* с точки зрения семантического объема и места в лексической системе языка даже при их тематической сближенности. Тем более вполне предсказуем эффект трансформации, если лексические замены представляют собой лексические единицы, понятийно и тематически неоднородные. Например, *Жизнь коротка – работа бесконечна* (ср. латинское крылатое выражение *Жизнь коротка, искусство вечно*), *Сделал дело – гуляй с телохранителем* (ср. народную пословицу *Сделал дело – гуляй смело*). Иногда говорящий как бы отстраняет от себя изменения в содержании известного стереотипа, и ограничивает сферу их распространения, вводя реплики-комментарии: *Девиз чиновника: «Всем отмерь – себе отрежь»*; *Россия – МВФ: долг платежом зелен* (ср. народные пословицы *Семь раз отмерь – один раз отрежь; Долг платежом красен [красный в древнем значении 'красивый' – Е. Я.]*). Результаты такой трансформации могут в дальнейшем оказаться причастными к изменениям соответствующих концептов и концептосферы языка в целом.

Заметная черта трансформации традиционных устойчивых выражений в современной речи состоит в том, что изменения в лексическом составе ПВ (и тем самым изменение их денотативной соотносительности) приводят к изменению тематического регистра ПВ – от выражения общечеловеческих стереотипов в сознании и деятельности человека к номинированию «политизированных» ситуаций, возникающих в процессе общественно-политической деятельности носителей языка. Об этом свидетельствуют следующие трансформации ПВ: *Сколько власть ни корми, она все на тебя смотрит; Наш рубль их доллар бережет*, появление которых подтверждает сдвиг пословичных смыслов общечеловеческого характера 'неблагодарность', 'бережливость' (ср. народные пословицы *Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит; Копейка рубль бережет*) в русло выражения злободневных политических ситуаций 'неблагодарность власти', 'экономическая зависимость от иностранной валюты'. При этом преобразование денотативно ориентированного компонента в структуре фразеологического значения как

компонента денотативно-социально ориентированного с неизбежностью вызывает преобразование компонента, выражающего субъективную модальность, т.е. способствует появлению оценочного компонента [5, с. 559]. «Злободневность» трансформации ПВ, как правило, проявляется в формировании оттенка ироничности по отношению к существованию в сознании «вечных истин», устойчивых и традиционных стереотипов поведения: *Раньше думал о Родине, а теперь о себе! Одна голова хорошо, а две — уже мутация; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не целилось* (ср. цитату из комсомольской песни *Раньше думай о Родине, а потом о себе*; народные пословицы *Одна голова хорошо, а две лучше; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*).

Другим средством трансформационных преобразований ПВ является расширение лексико-синтаксического состава устойчивого высказывания. Прежде всего это отражается как расширение группы сказуемого в синтаксической схеме предложения, что позволяет говорящему указать новые признаки номинируемого предмета или явления *Хорошо то, что хорошо ... и не кончается* (ср. народную пословицу *Хорошо то, что хорошо кончается*). Чаще всего, такие трансформации отражают не только пополнение объема признаков, присущих предмету референции в сознании носителя языка, как это наблюдается в вышеприведенном примере, но указывают на стремление сопоставить и тем самым противопоставить «старый» стереотип (образ) «новому», складывающемуся под воздействием новых обстоятельств и условий общественной и индивидуальной деятельности человека. Эти коммуникативные интенции обуславливают введение новых предикативных групп при помощи противопоставительного союза *а*: *Жизнь дается один раз, а удается еще реже*; (ср. цитату из романа Н. Островского, писателя-комсомольца 30-ых годов «Как закалялась сталь»: *Жизнь дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не жег позор за мелочное прошлое*); *Не пойман — не вор, а удачливый бизнесмен* (ср. вышеприведенную народную пословицу *Не пойман — не вор*); *От сумы и тюрьмы не зарекайся, а лучше — баллотируйся* (ср. народную пословицу *От сумы и тюрьмы не зарекайся*); *Считать чужие деньги неприлично, а свои неинтересно* (ср. устойчивое выражение-сентенцию *Неприлично считать чужие деньги*); *Русские долго запрягают, быстро ездят, а потом не могут затормозить* (ср. приписываемое Бисмарку выражение *Русские долго запрягают, но быстро ездят*).

Те же функции пополнения (или пояснения) признаков новых ситуаций, номинируемых посредством трансформированных ПВ, имеет прием расширения состава ПВ за счет введения новых предикативных частей и перестройки синтаксических схем простых предложений в сложные, например: *Каждому по труду: работаешь хорошо — налог, плохо — кредит* (ср. извест-

ный политический лозунг времен СССР *Каждому – по труду, от каждого – по способностям*); *Деньги пахнут: маленькие – потом, а большие – кровью* (ср. крылатое латинское выражение *Деньги не пахнут*). На этом пути синтаксического преобразования ПВ в такой же мере, как и в предшествующей группе, реализуются не только пояснительные, но противопоставительные смысловые отношения между «новым» и «старым» смыслами: *Время – те же деньги, но деньги лучше* (ср. американско-английское выражение *Время – деньги*); *Работа не волк, но что-то звериное в ней есть*; *Святое место пусто не бывает, но оно редко достается святому* (ср. народные пословицы *Работа не волк, в лес не убежит*; *Свято место не бывает пусто*).

В таких случаях изменения синтаксической структуры ПВ в процессе их контекстуального преобразования и трансформации становится особенно заметным «эффект диалогизации» фразеологических стереотипов. Он возникает как результат сопоставления традиционной фразеологической (или «пословичной») ситуации с новой экстралингвистической ситуацией, воздействие которой и порождает не только новую форму языкового выражения, но и соответствующее ей новое содержание, что имеет также отношение к процессам изменения концептов и концептосферы русского языка.

Заметим, что трансформационные изменения ПВ не всегда имеют достаточно четко устанавливаемые структурные признаки. Так, очевидно, высокая актуальность внеязыковой ситуации, представленной языковой устойчивой конструкцией фразеологического характера *выбирать из двух зол меньшее*, обусловила появление в речи нескольких трансформаций этого ПВ: *Из двух зол выбирают то, в которое больше верят*; *Из двух зол олигархи выбирают более прибыльное*; *Выбирая из двух зол меньшее, вы все равно выбираете зло*; *Выборы из двух зол до добра не доведут!* В их числе представлены и лексические замены (включая результаты конверсии), и изменения синтаксической структуры высказывания, которые не соответствуют какой-либо определенной синтаксической схеме. В плане содержания эти трансформации также достаточно разнообразны, отражая злободневность «нового» образа внелингвистической действительности и вместе с тем формулируя новый постулат сознания 'зло как нравственный абсолюте не имеет степеней градации', который может претендовать на включение в ряд «вечных» истин.

3. Довольно редко, по нашим наблюдениям, представлены результаты модификации ПВ, т.е. сближения в составе одной языковой единицы двух ПВ: *У них там человек человеку волк, но у нас тоже не Красная Шапочка* (ср. крылатое латинское выражение *Человек человеку волк* и сказочный образ Красной Шапочки). В данном случае сближение затрагивает два ПВ, полностью сохраняющих свой лексический состав и синтаксическую кон-

струкцию, имеющих один и тот же предмет референции, но в разных обстоятельствах, что и предопределяет отсутствие какого-либо содержательного или оценочного «приращения».

В этом отношении интерес представляют случаи (правда, очень немногочисленные) когда сближение осуществляется на основе ПВ, имеющих разные референции, путем включения в состав модифицированной языковой единицы отдельных синтагм, входящих в состав разных устойчивых конструкций: *Будни спецслужб: холодная голова чистым рукам покоя не дает* (ср. слова Ф. Э. Дзержинского о том, что у сотрудников ВЧК должны быть *горячее сердце, холодная голова и чистые руки*, а также народную поговорку *Дурная голова ногам покоя не дает*). В другом случае сближению в составе модифицированного языкового выражения *Тише едешь – меньше русский* подвергаются отдельные ключевые слова, которые должны оживить в сознании носителя языка фоновые знания и помочь установить связь с образами-стереотипами, указывающими на известные ситуации внелингвистической действительности: (ср. народную поговорку *Тише едешь – дальше будешь* и крылатое выражение Н. В. Гоголя «*Какой же русский не любит быстрой езды!*»). В таких конструкциях можно видеть языковое выражение формирования новых смыслов ('спецслужбы, руки которых не имеют покоя из-за плохой головы'; 'настоящий [возможно, "новый"] русский должен ездить быстро'), которые расширяют или в определенной мере изменяют содержание соответствующих концептов. (Впрочем, поле для наблюдений такого рода очень ограничено.).

Процесс контекстуального преобразования ПВ в газетных текстах, представляющий широкую реализацию креативных способностей носителей языка, имеет своим результатом возникновение в русской современной речи заметной группы новых языковых единиц особого рода — назовем их «народно-литературными афоризмами» [10, с. 434]. В плане выражения они, кроме лаконичности, характеризуются вербально-образной близостью с хорошо известными народными фразеологизмами и литературными цитатами, что обеспечивает их достаточно устойчивые и широкие ассоциативно-смысловые связи в сознании носителей языка.

В плане содержания для этой новой разновидности афористических высказываний характерно стремление отразить новые взгляды на складывающиеся в перестроечное время новые формы отношений в общественной, трудовой и частной жизни носителей русского языка и новое отношение к ним (показательно, что время появления новых афоризмов на страницах печати – 90-ые гг. XX века). Об этом свидетельствует тенденция к «осовремениванию» традиционных для предшествующей истории русского общества норм, канонов, стереотипов общественного и личного сознания и поведения, которая реализуется во введении новых смыслов (путем лексических

замен типа *сердце – секс*), в формировании новых признаков образа-стереотипа (путем расширения состава ПВ за счет предикативных групп или словосочетаний со значениями пояснения или противопоставления), в формировании новых оценочных компонентов в структуре значения ПВ (полемичность, политизация, злободневность с оттенком иронии как преобладающие черты функционирования народно-литературных афоризмов).

Названные особенности содержания и функционирования выделяемой нами особой разновидности афористических высказываний вполне сопоставимы с пониманием того, что становление традиционных пословиц также происходило в процессе исторического развития познания мира, развития культуры и общества, столкновения различных взглядов и мнений о роли и месте человека среди людей, в результате спора, диспута, словесного турнира [3, с. 17]. Поэтому в формировании довольно заметного в количественном и качественном отношении корпуса народно-литературных афоризмов можно видеть своего рода «заявку» на формирование особого жанра современного фольклора, для произведений которого характерны лаконичность, обобщенность и в то же время злободневность смысла, образная выразительность, литературная форма появления, нередко – авторство рядовых носителей языка, т. е. не профессиональных журналистов или литераторов. Естественно, что для того, чтобы обрести статус народно-литературного афоризма, языковые выражения, представляющие собой результат контекстуального преобразования прецедентных высказываний, должны пройти путь длительного испытания употреблением и временем.

Литература:

1. БОЧИНА Т. Г.: Русская пословица как диалог времен // Русское слово в мировой культуре. Т. I. Санкт-Петербург, 2003.
2. КАРАУЛОВ Ю. Н.: Русский язык и языковая личность. Москва, 1987.
3. КОЛЕСОВ В. В.: Афористика Древней Руси // Мудрое слово Древней Руси. Москва, 1989.
4. КУДРЯВЦЕВА Л. А., ДЯДЕЧКО Л. П., ЧЕРНЕНКО А. А., ФИЛАТЕНКО А. А.: Роль языка средств массовой информации в развитии общенационального языка. Вестник Моск. унив. Сер. 9. Филология. 2004. №5.
5. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. редактор В. Н. Яреца. Москва, 1990.
6. МАКАРОВ В. И.: Фразеологизация и стереотип восприятия речевого сообщения // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Изд-во Московского университета. 2001.

7. МЕЛЕРОВИЧ А. М, МОКИЕНКО В. М.: Фразеологизмы в русской речи. Словарь. Москва, 2001.
8. РЕВЗИНА О. Г.: Понятийный аппарат лингвистики дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Изд-во Московского университета. 2004.
9. ШВЕДОВА Н. Ю.: О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе. Вопросы языкознания. 1964 №2.
10. ЯНОВИЧ Е. И.: Современная русская афористика (семантика, стиль, структура текста и механизмы его порождения) // Выбранные научковые працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У сямі тамах. II том. Мінск, 2001.